

Russica Romana

VOLUME XIV · 2007

PISA · ROMA
FABRIZIO SERRA · EDITORE
MMVIII

Russica Romana

Rivista fondata da MICHELE COLUCCI

Direttori: Daniela Rizzi, *Università di Venezia*
Giorgio Ziffer, *Università di Udine*

Comitato scientifico

Anthony G. Cross, *Università di Cambridge*; Maria Di Salvo, *Università di Milano*; Harvey Goldblatt, *Yale University*; Wolf Moskovich, *Hebrew University of Jerusalem*; Georges Nivat, *Université de Genève*; Aleksandr Ospovat, *Mosca-U.C.L.A.*; Riccardo Picchio, *Yale University · I.U.O.N.*; Marija Pljuchanova, *Università di Perugia*; Shmuel Schwarzband, *Hebrew University of Jerusalem*; Lena Szilárd, *Università di Sassari*; Anatolij Turilov, *Institut Slavjanovedenija, Mosca*; Boris Uspenskij, *I.U.O.N.*; Viktor Živov, *Mosca-Berkeley*

Redazione

Giovanna Brogi Bercoff, *Università di Milano*
Roberta De Giorgi, *Università di Udine*
Cesare G. De Michelis, *II Università di Roma*
Stefano Garzonio, *Università di Pisa*
Rita Giuliani, *I Università di Roma*
Damiano Rebecchini, *Università di Milano*

Segretaria di redazione

Laura Piccolo, *Università di Salerno*

★

In copertina: V. A. Žukovskij: *Gogol' a Villa Mills (1839)*

Direttore responsabile: FABRIZIO SERRA
Registrazione al Tribunale Civile di Pisa n. 5 del 19.04.1999

Inviare i contributi all'indirizzo di posta elettronica russicaromana@gmail.com, nei formati word (.doc; .rtf) e pdf. Chi non potesse inviare il contributo in formato pdf, è cortesemente pregato/a di inviare una copia cartacea all'indirizzo: Laura Piccolo, Via Pietro Paolo Vergerio 21, 00135 Roma (Italia)

*

Abbonamenti / *Subscriptions*:
ACCADEMIA EDITORIALE®, Pisa · Roma
Uffici di Pisa: Via Santa Bibbiana 28 · 1 56127 Pisa;
tel. +39 050 542332; Fax +39 050 574888; E-mail iepi@iepi.it
Uffici di Roma: Via R. Bonghi 11/b · 1 00184; E-mail iepi.roma@iepi.it

La rivista ha periodicità annuale / *Russica Romana is published yearly*

Prezzo di abbonamento / *Subscription rate* (2007):
€ 145,00, Italia (privati); € 245,00 (enti, Italia con edizione Online);
€ 245,00 (*Individuals Abroad*); € 345,00 (*Institutions Abroad, with Online Edition*).

Fascicolo singolo / *Single Issue*: € 380,00

Indirizzare le richieste a / *Send Orders*:

Accademia editoriale, Casella postale n. 1, Succursale n. 8, 1 56123 Pisa.

I pagamenti possono essere effettuati con versamento su / *Charge payments by*:
c.c.p. n. 17154550 o tramite carta di credito / *or by credit card*
(American Express, Carta Sì, Eurocard, Mastercard, Visa).

La Casa editrice garantisce la massima riservatezza dei dati forniti dagli abbonati e la possibilità di richiederne la rettifica o la cancellazione previa comunicazione alla medesima. Le informazioni custodite dalla Casa editrice verranno utilizzate al solo scopo di inviare agli abbonati nuove proposte (Dlgs. 196/2003).

Our Publishing House guarantees for absolute discretion personal informations given by subscribers; on written request, these data could be modified or erased. These informations, looked after by our Publishing House, will be used only to send the subscribers our new editorial enterprises (Italian Law 196/2003).

Sono rigorosamente vietati la riproduzione, la traduzione, l'adattamento, anche parziale o per estratti, per qualsiasi uso e con qualsiasi mezzo effettuati, compresi la copia fotostatica, il microfilm, la memorizzazione elettronica ecc., senza la preventiva autorizzazione scritta

della *Fabrizio Serra · Editore®*, Pisa · Roma,
un marchio della *Accademia editoriale®*, Pisa · Roma.
Ogni abuso sarà perseguito a norma di legge.

*

Stampato in Italia · Printed in Italy

ISSN 1128-6377

ISSN ELETTRONICO 1724-1510

www.libraweb.net

SOMMARIO

SAGGI

- ЕВГЕНИЙ ГЕРМАНОВИЧ ВОДОЛАЗКИН, *Ефросиновская паляя: до и после (на материале апокрифа о мыши в новом ковчеге)* 9
- АНАТОЛИЙ АРКАДЬЕВИЧ ТУРИЛОВ, *К вопросу о сербском компоненте во 'втором южнославянском влиянии'* 23
- SARA PASSARELLA, *La forma interna della parola in Russia: le variazioni linguistiche ed estetiche di Aleksandr Afanas'evič Potebnja sui temi di Humboldt e Steinthal* 39
- ALBERTO MASOERO, *Sull'introduzione della proprietà agraria privata in Siberia* 53
- RAFFAELLA FAGGIONATO, *Memoria, arte, natura: da Fedorov a Ėjzenštejn* 67
- ROBERTA SALVATORE, *Uroki anglijskogo: Boris Pasternak e il suicidio come ipostasi dell'esperienza artistica* 81
- СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА АНДРЕЕВА, *Англицизмы в современном российском молодежном женском 'глянце'* 95

NOTE E DISCUSSIONI

- C. G. DE MICHELIS, *Replica a Carlo Ginzburg* 115
- C. G. DE MICHELIS, *Storici della Russia e Russia della storia* 121
- GIORGIO ZIFFER, *Una nuova versione della Povest' vremennyx let* 123

RECENSIONI

- DŽOVANNA SPENDEL', *Stroitel'nicy strun. Ženščina. Tvorčestvo. Literatura* (Giulia Baselica) 133
- RAFFAELLA VASSENA, *Reawakening National Identity. Dostoevskii's Diary of a Writer and its Impact on Russian Society* (Guido Carpi) 133
- L. TRUŠINA et al., *Russkij Ėkzamen Turizm. Učebnyj kompleks po russkomu jazyku kak inostrannomu v sfere meždunarodnogo turistskogo biznesa 1-2* (Claudia Criveller) 135
- K. JU. LAPPO-DANILEVSKIJ, *Gefühl für das Schöne. J. J. Winckelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland* (Stefano Garzonio) 137
- GIORGIO M. NICOLAI, *Il tesoretto russo. Proverbi e modi di dire della Russia* (Ettore Gherbezza) 138
- VALENTINA BENIGNI, *Il mutamento linguistico nel russo contemporaneo* (Ettore Gherbezza) 140
- Istorija i Poëzija. Perepiska I. M. Grevs a i Vjač. Ivanova. Izdanie tekstov, issledovanie i kommentarii* G. M. Bongard-Levina, N. V. Kotreleva, E. V. Ljapustinoj (Arnaldo Marcone) 141

A. TOSI, <i>Waiting for Pushkin. Russian Fiction in the Reign of Alexander I (1801-1825)</i> (Adalgisa Mingati)	142
EUGENIA GRESTA, <i>Il poeta è follo. Quattro autori moscoviti: Vsevolod Nekrasov, Lev Rubinštejn, Michail Ajzenberg, Aleksej Cvetkov</i> (Alessandro Niero)	144
<i>Набокков / Nabokov. Un'eredità letteraria</i> , a cura di A. Cagidemetrio e D. Rizzi (Alessandro Niero)	145
L. LOSEV, <i>Iosif Brodskij. Opyt literaturnoj biografii</i> (Stefania Pavan)	146
LAURENT BÉGHIN, <i>Da Gobetti a Ginzburg. Diffusione e ricezione della cultura russa nella Torino del primo dopoguerra</i> (Daniela Rizzi)	148
<i>Gogol' e l'Italia</i> , a cura di M. Vajskopf, R. Giuliani e P. Buoncristiano (Bianca Sulpasso)	149
ABDERHAMAN MESSAOUDI, <i>La transversalité du thème religieux dans Les Démons</i> (Raffaella Vassena)	151
ALESSIO SCARLATO, <i>L'immagine di Cristo, le parole del romanzo. Dostoevskij e la filosofia russa</i> (Raffaella Vassena)	152
<i>V. K. Trediakovskij i russkaja literatura. Otv. red. A. S. Kurilov</i> (Michela Venditti)	154
<i>Everyday Life in Early Soviet Russia</i> , ed. by C. Kiaer and E. Naiman (Maria Zalambani)	155
PAOLO e FRANCESCO BELLI GIOTTI, <i>Lettere al padre. Dialogo di Virgilio Giotti con i figli durante la campagna di Russia</i> , a cura di A. De Simone (Giorgio Ziffer)	157
PETER URBAN, <i>Genauigkeit und Kürze. Ansichten zur russischen Literatur. Hrsg. von D. Keel und W. Stephan</i> (Giorgio Ziffer)	158
<i>Gli autori</i>	161
<i>Libri ricevuti</i>	163

К ВОПРОСУ О СЕРБСКОМ КОМПОНЕНТЕ ВО ‘ВТОРОМ ЮЖНОСЛАВЯНСКОМ ВЛИЯНИИ’

АНАТОЛИЙ АРКАДЬЕВИЧ ТУРИЛОВ

На протяжении последних 110 с лишним лет, со времени произнесения и выхода в свет речи А. И. Соболевского,¹ включенной в 1903 г. в его «Переводную литературу Московской Руси»,² основными связями в период ‘второго южнославянского влияния’ (вторая половина XIV-XV вв.) – во всяком случае, в филологической (и в особенности в языковедческой) литературе – считаются русско-болгарские.³ Речь, произнесенная историком языка, явилась переломным моментом в оценке ситуации, где до этого царила по преимуществу неразбериха с дефинициями, восходящая в конечном итоге еще к XVI в., когда митрополита Киприана называло сербом его проложное житие, написанное в связи с канонизационными соборами середины столетия,⁴ а его книжный язык характеризовал как ‘сербский’ (приводя при этом примеры орфографических болгаризмов) ученик Максима Грека инок Нил Курлятев.⁵ Разумеется и после работ Соболевского смешение по инерции продолжалось,⁶ но сохранялось оно теперь уже обычно в нелингвистической литературе.⁷ В целом же его точку зрения можно считать

¹ А. И. Соболевский, *Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV-XV вв.*, СПб. 1894.

² Он же, *Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв.: Библиографические материалы*, СПб. 1903 [репр. Leipzig 1989], с. 6, 11 [= *Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук*, т. LIV, № 1].

³ См., например: Д. С. Лихачев, *Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России*, М., Изд-во АН СССР, 1958; он же, *Развитие русской литературы X-XVII вв. Эпохи и стили*, Л., Наука, 1973, с. 82-112; ср.: А. А. Турилов, *Восточнославянская книжная культура конца XIV-XV вв. и “второе южнославянское влияние”*, в: *Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV-XV вв.*, СПб. 1998, с. 321-338; М. Г. Гальченко, *Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы*, М.-СПб., Алетейя, 2001 [= *Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева*, т. 1], с. 73-442.

⁴ См., напр.: РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 1299, Пролог на сентябрь-февраль, под 16 сентября.

⁵ См., напр.: Б. А. Успенский, *История русского литературного языка (XI-XVII вв.)*, Изд. 3-е, испр. и доп. М., Аспект Пресс, 2002, с. 342-343. Обзор исследовательских мнений XIX-XX вв. о национальной принадлежности митрополита Киприана см.: Н. Дончева-Панайотова, *Григорий Цамблак и болгарските литературни традиции в Източната Европа XV-XVII вв.*, Велико Търново, Веста, 2004, с. 55-56.

⁶ Показательны в этом смысле некоторые характеристики палеографов-современников А. И. Соболевского, увидевшие свет 20-30 лет спустя после издания речи о южнославянском влиянии. Так, Е. Ф. Карский (*Славянская кирилловская палеография*, Л., Изд-во АН СССР, 1928 [репринт М., Наука, 1979] в перечне датированных источников относит к числу сербских памятников Лествицу, переписанную в 1383 г. в Константинополе митрополитом Киприаном (с. 41, № 58) и среднеболгарский же список (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 172) *Слов постнических Исаака Сирина* 1381 г. (с. 50, № 78); в последнем случае имеется следующий комментарий: «Русский памятник писан сербским письмом и правописанием».

⁷ Весьма причудливыми представлениями о языковых нормах южнославянских рукописей

вполне возобладавшей в научной литературе (во всяком случае, русской и болгарской),¹ если, конечно, ограничиваться сферой переводов и не касаться вопроса деятельности южнославянских книжников на Руси, где невозможно пройти мимо без преувеличения огромного творческого наследия Пахомия Логофета,² существенно превышающего объем литературной продукции митрополита Киприана и 'русский' сегмент творчества Григория Цамблака даже в совокупности.

Представляется, что в настоящее время тезис Соболевского – при всей его правомочности – нуждается в известной корректировке. Картина русско-южнославянских книжно-литературных связей последней четверти XIV-XV вв. в результате исследования рукописной традиции отдельных памятников (как переводных, так и оригинальных) выглядит более сложной, чем это виделось в конце XIX столетия. Так, можно считать вполне установленным, что появление и распространение на Руси пространных болгарских (Илариона Мегленского, Параскевы-Петки) и сербских (архиепископа Саввы, Стефана Дечанского и деспота Стефана Лазаревича) житий XIII-XV вв. и переводов византийских хроник ('Паралипомен' Зонары, Хроника Манассии), а также 'сербской' Александрии, не связано с классическим периодом 'второго южнославянского влияния', завершающимся не позднее середины XV в., а обусловлено культурно-исторической ситуацией Московской Руси конца XV - первой четверти XVI столетий (восстановление связей с афонскими монастырями, работа над созданием Русского Хронографа, в котором Русь выступала исторической преемницей православных стран, включая и южнославянские).³ Период имеет и свой (правда, несравненно более скромный по масштабам) аналог Пахомию Логофету – афонского монаха – агиографа сербского происхождения Аникиту Льва Филолога.⁴

(вполне согласными, впрочем, с воззрениями исследователей XIX в.) отличается, к примеру, опубликованная в 1968 г. статья историка искусства Г. И. Вздорнова. Говоря о преобладании среди попавших на Русь южнославянских рукописей сербских, он, в частности, писал: «Следует, однако, иметь в виду, что рукописи сербского происхождения по изводу и правописанию (так! – А. Т.) часто оказываются болгарскими», Г. И. Вздорнов, *Роль славянских монастырских мастерских письма Афона и Константинополя в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV-XV вв.*, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 1968, т. 23, с. 181, примеч. 42.

¹ Особняком стоит в этом смысле мнение сербских исследователей (прежде всего В. А. Мошина), предпочитающих говорить о русско-южнославянских связях без выделения национальных традиций, В. А. Мошин, *О периодизации русско-южнославянских литературных связей X-XV вв.*, в: *Русь и южные славяне: Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894-1987)*, СПб. 1998, с. 95-100; 1-е изд., в: «Труды Отдела древнерусской литературы», 1963, XIX, с. 28-106.

² Основную библиографию работ о Пахомии см., в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. II (вторая половина XIV-XVI вв.), 2 (Л-Я), Л., Наука, 1989, вып. 2, с. 176-177.

³ Подробнее об этом: А. А. Турилов, *Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV – первой четверти XVI вв.*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М. 1981, с. 12-21; Он же, *К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV-XVI вв.*, в: *Русско-балкански културни връзки през Средновековието / Русско-балканские культурные связи в эпоху Средневековья*, София 1982, с. 68-74.

⁴ О нем см.: *Словарь книжников...*, ук. соч., с. 3-6.

Выделение этого позднейшего этапа связей имеет на первый взгляд мало значения для характеристики предыдущего, однако ряд его особенностей позволяет по-новому взглянуть на некоторые стороны эпохи собственно 'второго южнославянского влияния', в частности, на тезис А. И. Соболевского о болгарском посредничестве между сербской и русской традициями. Последний, в частности, аргументировал свое мнение примером среднеболгарской орфографии жития деспота Стефана, написанного Константином Костенецким, в сборнике библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ныне – РГБ, ф. 304.1), № 686 (кодекс датировался в то время XV в.).¹ Однако В. Ягич задолго до речи Соболевского убедительно показал, что рукопись содержит русскую (сокращенную) редакцию текста,² а троицкий сборник № 686 датируется в настоящее время по филиграням 1520-ми гг.³ Старший же русский список памятника (в составе сборника начала XVI в. РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 655, л. 123-221) написан по ресавской орфографии с непоследовательным (идушим явно от русского копииста) употреблением 'юса малого'. Еще более показателен пример содержащихся в том же троицком сборнике № 686 и написанных тем же писцом и по той же орфографии, что и сочинение Константина, жития Саввы Сербского и похвального слова Савве и Симеону иеромонаха Феодосия.⁴ Установлено, что все великорусские списки памятников восходят к принесенному с Афона в 1517 г. старцем Исайей,⁵ причем другие ранние копии (например, РНБ, Кир.-Бел., № 27/1266) в орфографическом отношении свободны от среднеболгаризмов. Последнее отнюдь не удивительно, поскольку болгарские списки жития Саввы и похвального слова Савве и Симеону, как XV в., так и более раннего (и даже более позднего) времени попросту неизвестны в природе. Для рассматриваемого периода еще более важно, пожалуй, полное отсутствие славяно-молдавских (среднеболгарских по орфографии) списков обоих текстов.⁶ В подобной ситуации болгаризмы орфографии упомянутых выше текстов могли возникнуть лишь под пером московского книжника XVI в., и это лишнее свидетельство того, сколь ненадежным является для периода

¹ А. И. Соболевский, *Переводная литература*, ук. соч., с. 11, примеч. 4.

² В. Ягич, *Константин Философ и његов Живот Стефана Лазаревића, деспота српскога*, «Гласник Српског ученог друштва» XLII (1876), с. 223-228.

³ Т. Б. Ухова, *Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря*, в: «Записки Отдела рукописей», вып. 22, 1960, с. 140.

⁴ Из-за механического пропуска в заглавии (возникшего, по всей вероятности, еще на стадии архетипа) авторство жития во всех восточнославянских (великорусских по происхождению) списках ошибочно приписано Доментиану. Исключение составляет единственный список из библиотеки Супрасльского монастыря (Вильнюс, БАН Литвы, F-19, № 104), восходящий явно к другому сербскому оригиналу (А. А. Турилов, *Южнославянские памятники в литературе и книжности Московской и Литовской Руси XV-XVI вв.: парадоксы истории и географии культурных связей*, в: *Славянский альманах 2000*, М. 2001, с. 251, 253).

⁵ Д. Богдановић, *Нека запажања о руској редакцији Теодосијевог Житија светог Саве*, «Зборник Матице српске за књижевност и језик» 23 (1975), 2, с. 256-258; Л. К. Гаврюшина, *Русская рукописная традиция жития Саввы Сербского*, «Советское славяноведение», 1984, 1, с. 68-82.

⁶ А. А. Турилов, *Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV-XVI вв.*, в: *Хризограф*, 2, М., 2005, с. 141.

XV-XVI вв. сам по себе, без учета других факторов, орфографический критерий именно в отношении среднеболгарского правописания.¹

Другие южнославянские тексты, получившие известность на Руси в конце XV и первой четверти XVI в. делятся на две группы: одни из них сохранили в старших списках следы сербского (ресавского) правописания (житие Параскевы-Петки, написанное патриархом Евфимием и повесть о перенесении ее мощей в Сербию Григория Цамблака,² ‘Паралипомен’ хроники Зонары,³ ‘сербская’ Александрия),⁴ об орфографии оригиналов других (жития Стефана Дечанского и Илариона Мегленского, хроника Манассии) в силу разных обстоятельств⁵ трудно сказать что-то определенное, хотя исключить того же отнюдь нельзя и для них. В целом картина вполне соответствует орфографической ситуации на славянских Балканах, где рукописи с юсовой орфографией (даже непоследовательной) на рубеже XV-XVI вв. встречаются лишь как редчайшее исключение. Болгарские памятники предшествующих эпох в это время приходят на Русь через сербское (прежде всего, святогорское) посредство.

Заметно усложняются детали картины связей и для классического периода ‘второго южнославянского влияния’, хотя основной тезис А. И. Соболевского о преобладании болгаро-русских по-прежнему остается в силе. В определенном смысле его даже можно усилить. Констатация Соболевским неполноты корпуса сербских переводов и сочинений в русской традиции⁶ в настоящее время может быть подтверждена и дополнена большим числом дополнительных примеров.⁷

¹ Примеры ошибочной атрибуции восточнославянских рукописей XV-XVI вв., следующих среднеболгарской орфографии, см.: А. А. Турилов, *О времени и месте создания пергаменного Евангелия “Мемнона книгописца”*, в: *Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур*, М. 1992, т. 26, с. 15-46.

² Старший список обоих текстов в составе сборника начала XVI в., РГБ, Волоколамское собрание, № 644, лл. 224-244. Лишним подтверждением происхождения архетипного списка служат включение в завершающую текст похвалу имени сербского деспота Гюрга Бранковича (1428-1456), которое содержится почти во всех восточнославянских копиях (А. И. Рогов, *Петка Тырновская в восточнославянской письменности и искусстве*, в: *Руско-балкански културни връзки*, укр. соч., с. 175; А. А. Турилов, *Южнославянские памятники*, укр. соч., с. 269, примеч. 41.

³ Единственный (как в восточнославянской, так и в южнославянской традиции) список входит в волоколамский сборник № 655 вместе с житием деспота Стефана (переписан одним из писцов последнего текста). Уместно напомнить, что в литературе XIX – середины XX вв. рукопись считалась просто сербской (см., например: А. А. Шахматов, *Пахомий Логофет и Хронограф*, «Журнал Министерства народного просвещения», 1899, 1, с. 204).

⁴ В особенности это относится к отрывку в составе все того же волоколамского сборника № 655 (лл. 238 об.-262), который по правописанию очень легко принять за сербский.

⁵ Старшие списки житий в составе волоколамского сборника № 655 написаны рукой волоколамского монаха Ферапонта Обухова (см. о нем: *Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Указатель*, I, 2, М. 1986, с. 142), последовательно проводившим в своих рукописях восточнославянские правописные нормы. Хроника Манассии представлена только поздними (второй половины XVI и XVII вв.) списками (*Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах*, София, Издательство Болгарской Академии наук, 1988, с. 98-102), орфография которых в данном случае непоказательна.

⁶ А. И. Соболевский, *Переводная литература*, укр. соч., с. 11, примеч. 3.

⁷ К их числу относятся, к примеру, почти все переводы и редакции, выполненные сербами

Наблюдается известная ревизия оценок и в сфере изучения русско-южнославянских связей второй половины XIV в., непосредственно с письменностью не связанный (но при этом, несомненно, под воздействием изучения именно памятников письменности) – ряд живописных произведений (стенописей и икон), которые ранее рассматривались историками искусства как созданные на Руси сербскими мастерами, в новейшее время менее конкретно характеризуются как ‘балканские’.¹

С другой стороны ряд положений А. И. Соболевского может быть оспорен. Это относится, в частности, к вопросу о болгарском посредничестве в сербско-русских связях. Между тем, с успехами славянской археологии в последней четверти XX в. (в особенности в деле каталогизации и описания южнославянских рукописей в хранилищах Болгарии, бывшей Югославии и Афона) выявились обстоятельства, заставляющие рассматривать ситуацию под другим углом. Взаимоотношение болгарской (собственно тырновской или афоно-тырновской)² и сербской книжно-письменных традиций XIV в. (как, впрочем, и в более раннее время)³ носит явно асимметричный характер. Если сербская открыта для болгарских памятников на уровне простой переписки,⁴ то болгарская для сербской практически закрыта – в ней почти

и (или) для Сербии в конце XIV - первой половине XV в., в том числе такие крупные, как ряд библейских книг и толкований на них (см.: А. А. Алексеев, *Текстология славянской Библии*, СПб., Дмитрий Буланин, 1999, с. 185-191), ‘Догматики паноппля’ Евфимия Зигабена, антилатинские полемические сочинения Григория Паламы и Нила Кавасиллы (получившие известность в Москве, вероятно, только в середине XVI в.), Иосифа Вриенния, антимусульманские и антииудейские Иоанна Кантакузина, и др. Подробнее этот вопрос рассматривается в моей статье *Южнославянские переводы XIV-XV вв. и корпус переводных текстов на Руси*, публикуемой в 2008 г. в журнале «Вестник церковной истории».

¹ Так, к примеру, вопреки установившемуся в искусствоведческой литературе мнению (В. Н. Лазарев, *Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV в.*, в: *Ежегодник Института истории искусств АН СССР*, М. 1957, с. 233-278), вызывает большое сомнение сербское происхождение мастеров, выполнивших фрески новгородской церкви Спаса на Ковалеве (1380), поскольку орфография надписей на них (с употреблением ъ и ‘юсов’, при этом явно не объясняемым только возможным влиянием русской традиции) свидетельствует о болгарском правописании художников, происходивших, скорее всего, из Македонии (это, разумеется, не отрицает их связи с сербской художественной культурой). Надписи на долгое время считавшихся сербскими (В. И. Антонова, Н. Е. Мнева, *Каталог древнерусской живописи [ГТГ]*, 1, М. 1963, № 337-338) иконах раннего XV в. из села Кривое на Северной Двине выполнены русским уставом (*Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Древнерусское искусство X - начала XV вв.*, 1, М., Красная площадь, 1995, с. 180-183, № 85-88; М. Г. Гальченко, *Надписи на древнерусских иконах XII-XV вв.: Палеографический и графико-орфографический анализ*, М., Наука, 1997, с. 156-159); то же можно сказать об остатках надписей на иконе рубежа XIV-XV столетий *Похвала Богородице со сценами Акафиста* из Успенского собора Московского Кремля, иногда относимой к работам сербских художников (*Византия. Балканы. Русь. Иконы конца XIII - первой половины XV в.: Каталог выставки*, М. 1991, с. 223, № 36; ср.: Е. Б. Громова, *Проблема иконографии Акафиста Богородице в искусстве Византии и Древней Руси XIV в.*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, М. 1990).

² Ситуация в скрипториях Македонии, безусловно отличалась от восточноболгарской, сближаясь в этом смысле с сербской.

³ См., например: А. А. Turilov, *Letteratura slava ecclesiastica delle origini. Storia e geografia della tradizione manoscritta*, «Incontri linguistici», 28 (2005), pp. 16-25.

⁴ Этим объясняется бытование в ней болгарских переводов даже тех памятников, которые существовали и в сербских – Лествицы (Т. Мострова, *Към въпроса за Лествицата в*

не распространяются не только оригинальные сербские сочинения, но и сербские переводы, относящиеся к общеправославному корпусу текстов и связанные со сменой богослужебного устава.¹ Сербский перевод может войти в болгарскую традицию лишь после его дополнительного редактирования. Примечательно, что подобный изоляционизм наблюдается в XIV в. в условиях существования интернациональных монашеских общин, участия писцов разных национальностей, пользующихся разной орфографией, в написании рукописей, случаев одной и той же каллиграфической выучки у писцов с разными правописными нормами.² Учитывая достаточную легкость (сравнительно с русско-южнославянскими связями) контактов между болгарскими и сербскими книжниками, в особенности на Афоне, и очевидное для всех (во всяком случае, на взгляд современного исследователя) значение богатейшего книжного собрания Хиландарского монастыря (а со второй половины XIV в. и монастыря Св. Павла) такая замкнутость может носить только неслучайный, вполне осознанный характер (о возможных

славянската ръкописна традиция, «Palaeobulgaria» 15 [1991], 3, с. 70-90), триодного Синаксаря (Л. ТАСЕВА, Триодните синаксари у южните славяни през XIV в. (Постен цикл), в: «Славянска филология», 2003, т. 23, с. 5-17; Она же, Единство и многообразие за преводачки норми през XIV в. (По материал от два южнославянски превода на триодните синаксари), в: «Старобългарска литература», кн. 33-34 (В чест на Климентина Иванова), 2005, сс. 445-456), Стишного Пролога (Г. ПЕТКОВ, Стишият пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV-XV в.): Археография, текстология и издание на проложни стихове, Пловдив, Издателство на Пловдивския университет, 2000, с. 17-25), и др.

¹ Для периода существования Второго Болгарского царства можно привести, насколько мне известно, лишь два примера такого перехода, при чем оба относятся к каноническим и церковно-юридическим памятникам. Первый это Сербская Кормчая, бытование которой в Болгарии засвидетельствовано ее присылкой отсюда на Русь в 1262 или 1270 г. (см.: Я. Н. Щапов, *Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI - XIII вв.*, М., Наука, 1978, с. 135-155) и сокращенной редакцией, представленной списком третьей четверти XIV в. (*Мазуриная Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV-XVI вв.: Исследование. Тексты*, М., Индрик, 2002). Второй – Синтагма Матфея Властаря, сохранившаяся в рукописи последней четверти XIV в. (РГИА, ф. 834, оп. 3, № 2037 - В. Н. Бенешевич, *Два списка славянского перевода Синтагмы Матфея Властаря, хранящихся в Санкт-Петербургской синодальной библиотеке*, в: *Известия Отделения русского языка и словесности*, СПб. 1901, т. VI/4, с. 150-227). Все остальные среднеболгарские списки сербских переводов XIV-XV вв. (Хроника Георгия Амартола ('Летовник'), Сочинения Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника, Житие Григория Омритского (см. ниже), сборник полемических сочинений Иоанна Кантакузина, и др. представлены в славяно-молдавских рукописях второй четверти XV–XVI вв., т.е. они могут отражать уже не собственно болгаро-сербские контакты, а молдаво-афонские, либо церковные и культурные связи Молдавского княжества, с 1430-х гг. находившегося в юрисдикции сербского патриарха.

² Особенно показателен в этом смысле казус Симона-Симеона, заключающийся в том, являются ли соименные писцы середины XIV в., один из которых написал знаменитое лицевое Лондонское Евангелие царя Иоанна Александра, а второй сербский Служебник (РНБ, Погдин, № 37), привезенный В. И. Григоровичем с Афона, одним и тем же лицом? В пользу их отождествления высказывался ряд русских и сербских ученых (см.: М. Харисиладис, *Раскошни византијски стил у орнаментацији јужнословенских рукописа XIV и XV в.*, в: *Моравска школа и њено доба*, Београд 1972, с. 211-227), у болгарских исследователей отношение к этой атрибуции в целом отрицательное (К. Иванова, *Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погдин*, София, Издателство на БАН, 1981, с. 199; А. Джурова, *Томичов Псалтир*, т. 1, София, Климент Охридски, 1990, с. 37, примеч. 36). Кроме этих двух подписных рукописей Симону-Симеону на основании почерка атрибутируется еще несколько

причинах этого см. ниже). В подобной ситуации болгары – за редчайшими исключениями¹ – никак не могли выступать посредниками в распространении сербских переводов на Руси.

Примеры непосредственных сербско-русских книжно-литературных контактов в конце XIV - первой половине XV в., известные в настоящее время, за пределами деятельности Пахомия Логофета, действительно, довольно немногочисленны. Так, сохранились три сербские (рашской редакции) рукописи третьей четверти XIV в.,² попавшие на Русь не позднее первой четверти XV в. – *Воспоминание к своей ему души* Петра Дамаскина с русскими записями рубежа XIV-XV вв. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 179),³ Лествица из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря с русскими дополнениями конца XIV (?) - начала XV в. (РГБ, ф. 113, № 463),⁴ и пергаменный список Повести о Варлааме и Иоасафе с русской тайнописной записью ‘полусловицей’ рубежа XIV-XV вв. (ГИМ, Новоспасское собр., № 11).⁵ Еще один важный памятник русско-сербских культурных контактов первой четверти XV в. в то время до Руси так и не добрался, оставшись на Святой Горе почти до середины XIX столетия. Речь идет о втором по древности (первая четверть XIV в.) списке первоначального перевода *Слов постнических Исаака Сирина* (РГБ, собр. Московской духовной академии (фунд.), № 151. II), привезенном с Афона в 1849 г. А. Н. Муравьевым. На чрезвычайно широких полях этого кодекса *in folio* рукой русского писца (которого в 2004 г. Б. М. Клосс убедительно отождествил⁶ с работавшим в Константинополе и на Афоне в первой четверти XV в. монахом Евсевием-Ефремом),⁷ ‘младшим’ полууставом приписаны тексты разного объема, дополняющие первую редакцию перевода до второй.⁸ Стоит, наконец, упомянуть и известную запись сербского инока-агиорита Евсевия о его драматической судьбе, сделанную не ранее 1402 г. (после Ангорской битвы

богарских и сербских рукописей (М. Харисиладис, *ук. соч.*, с. 211-227). Не вдаваясь здесь в сложную проблему идентификации весьма унифицированных каллиграфических почерков, к каковым относится ‘тырновский’ литургический полуустав, нельзя не констатировать, что сам спор мог возникнуть лишь при условии их чрезвычайной близости.

¹ См. ниже примеры с житием Григория Омиритского и сочинениями Дионисия Ареопагита.

² Для сравнения, болгарских рукописей, попавших на Русь приблизительно в то же время, в хранилищах России известно около полутора десятков, см.: А. А. Турилов, *Восточнославянская книжная культура*, *ук. соч.*, с. 332-333, примеч. 27.

³ Подробнее о рукописи: *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в.*, 1 (СК XIV), М., Индрик, 2002, с. 193-195, № 86.

⁴ См. *там же*, с. 534-537, № 370.

⁵ См.: М. Н. СПЕРАНСКИЙ, *Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма*, Л., Изд-во АН СССР, 1929 (= *Энциклопедия славянской филологии*, т. 4/3), с. 86, рис. 54.

⁶ Устное сообщение во время конференции, посвященной русско-афонским связям, в мае 2004 г. Снимки листов рукописи с приписками см.: *Древности монастырей Афона X-XVII вв. в России (Из музеев, библиотек, архивов Москвы и Подмоскovie)*: Каталог выставки, М., Северный паломник, 2004, с. 180-181 (III. 15).

⁷ О Евсевии-Ефреме см. подробнее: Г. И. Вздорнов, *ук. соч.*, с. 177-179, 193-196; *Православная энциклопедия (ПЭ)*, 17 (в печати).

⁸ Подробнее о кодексе: Е. Э. ГРАНСТРЕМ, Н. Б. ТИХОМИРОВ, *Сочинения Исаака Сирина в славяно-русской письменности*, «Вестник церковной истории», 2007, 1, с. 139, 162.

султана Баязита с Тимуром) на русском пергаменном списке Диоптры Филиппа Монотропа (ГИМ, Чудовское собр., № 15), переписанном в 1388 г. в Константинополе.¹

Немногочисленные и выявленные на сегодняшний день примеры переписки русскими писцами сербских рукописей. Наиболее известный из них представляет, несомненно, случай копирования принесенного в конце XIV в. непосредственно из Сербии в Спасо-Каменный монастырь под Вологодой сборника 16 слов Григория Богослова, засвидетельствованный книгописцем Олешкой Палкиным в послесловии к списку 1479 г. (РНБ, собр. Погодина, № 989).² В русских списках, хотя и немногочисленных (например, в пергаменном – РНБ, Софийское собр., № 1365, л. 1-135 об.),³ известна и сербская редакция перевода Повести о Варлааме и Иоасафе⁴ – редкий случай, когда на Русь пришли две разные южнославянские редакции одного и того же текста.

К числу таких памятников относится, по всей вероятности, и пространное житие Григения (в славянском переводе Григория), епископа Химьяра ('Омиритского'), сопровождающееся в рукописях его *Прением* (в 4-х 'беседах') с еретиком Ерваном. Перевод всего комплекса выполнен в сербском афонском монастыре Св. Павла монахом Антонием (в миру Арсений Багаш) в последней четверти XIV в.⁵ (старший сербский список 1380-1390-х гг. – Сербия, монастырь Дечаны, № 98). Весьма многочисленные русские списки восходят к этому переводу.⁶ Известны и среднеболгарские (молдавские по происхождению) списки текста, например, в сборнике прославленного

¹ О кодексе и записи в нем Евсевия см. подробнее: *СК XIV*, ук. соч., с. 205-207, № 95.

² О рукописи и записи в ней см.: К. Иванова, *Историята на един южнославянски ръкопис в руската книжнина през XV в.*, «Старобългарска литература», 1977, 2, с. 158-168; В. М. ЗАГРЕБИН, *Исследование памятников южнославянской и древнерусской письменности*, М.-СПб., Альянс-Архео, 2006, с. 277-278.

³ Описание рукописи: Д. И. АБРАМОВИЧ, *Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека, III (Сборники)*, СПб. 1910, с. 51-54. Часть кодекса, в которую входит Повесть в литературе принято датировать концом XIV в., однако, принимая во внимание консерватизм новгородских почерков, вполне возможна и датировка ее первой третью следующего века.

⁴ *Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI - XII вв.*, подготовка текста, исследование и комментарий И. Н. Лебедевой, Л., Наука, 1985, с. 59.

⁵ Ђ. Трифуновић, *Стара српска књижевност: Основе*, Београд, Филип Вишњић, 1995, с. 238-241; ПЭ, ук. соч., 2, М. 2001, с. 616 (ср.: Б. Христова, *Опис на ръкописите на Владислав Граматик*, Велико Търново, Пик, 1996, с. 26-27). В ресавских списках XV в. (Бухарест, БАН Румынии, Слав. 137 - переписан в 1462 г. в Ксиропотама; Загреб, Архив ХАЗУ, III а 47 - Сборник Владислава Грамматика 1469 г.), сохранивших молитву о переводчике, сообщается о переводе книги на сербский 'извод'. В первом из них, помимо этого, переводчик Антоний назван «ктитором места сего святого» (Р. PANAITESCU, *Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR*, 1, București, Editura Academiei RPR, 1959, p. 172). В восточнославянских списках указание на ктиторов переводчика опущено, а определение языка перевода заменено на 'русский' (либо также исключено).

⁶ Старший (известный по копийной записи в рукописи XV в., РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 45/1284, л. 225 об. - Г. И. Вздорнов, ук. соч., с. 197-198, № 16) был сделан в 1432 г. в Великой Лавре на Афоне известным монахом-книгописцем Афанасием Русиним (о нем см. там же, с. 180, 197-198); см. также: А. И. Соболевский, *Переводная литература*, ук. соч., с. 19.

книгописца Гавриила (Урика) 1441 г. (Бухарест, БАН Румынии, Слав. 165),¹ однако молдавская рукописная традиция по существу не играет в классический период 'второго южнославянского влияния' в русско-южнославянских связях никакой роли.²

Небесспорно происхождение перевода *Слова постнического Максима Исповедника по вопросу и ответу*, представленного в русских списках с конца первой трети XV в. Согласно заметке, сохранившейся при старших из них, перевод был сделан в 1425 г. на Афоне кир Иаковом Доброписцем для неоднократно упоминавшегося уже Евсевия-Ефрема.³ Переводчика в литературе принято отождествлять с соименным сербским книжником, переведшим и переписавшим в 1426 г. на Афоне первый том Бесед Иоанна Златоуста на книгу Бытия (ГИМ, Син. 36).⁴ Этому в значительной мере противоречит то обстоятельство, что в новгородском списке 1431 г. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 175) *Слово* (как и вся рукопись, в которую оно входит) написано с выдержанной среднеболгарской орфографией, включая регулярное употребление 'юса большого'.⁵ Нельзя, однако, исключить, что в данном случае мы имеем дело с весьма ранним примером сознательной болгаризации орфографии русским писцом⁶ – иноком новгородского Лисицкого монастыря Серапионом.⁷

Особый случай составляет судьба славянского перевода сочинений Дионисия Ареопагита, выполненного старцем Исайей в 1371 г. Существование древнейшего сербского Колашинского (или Архангельского) списка памятника, датируемого 1370-ми гг. (РНБ, Гильф. 46), в котором не без оснований подозревают частичный автограф переводчика,⁸ не оставляет, на мой взгляд, сомнений в национальной принадлежности последнего.

Рукописная традиция текста по начало XVI в. включительно отчетливо распадается на три группы. Первую составляют 4 списка сербского извода, созданные не позднее первой половины XV в. Помимо перечисленных

¹ P. PANAITESCU, *ук. соч.*, р. 248.

² См.: А. А. Турилов, *Южнославянские памятники*, *ук. соч.*, с. 264; Он же, *Критерии*, *ук. соч.*, с. 141-142. Прямо противоположной точки зрения придерживался германский исследователь Э. Фёлькль (см.: E. Völkl, *Die Moldau und der "Zweite südslavische Einfluss"*, «Revue des études sud-est européennes», XI, 1973, 3, pp. 475-486), однако его теория носит сугубо кабинетный характер, базируясь почти исключительно на неоспоримом факте географического положения Молдавии между южными и восточными славянами.

³ Г. И. Вздорнов, *ук. соч.*, с. 178-179, 195-196.

⁴ А. В. Горский, К. И. Невоструев, *Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки*, 2/1, М. 1854, с. 45-46; Г. И. Вздорнов, *ук. соч.*, с. 178.

⁵ М. Г. Гальченко, *Книжная культура*, *ук. соч.*, с. 162-165, 403 (№ 85).

⁶ О более поздних см. выше, в связи со списками раннего XVI в. житий сербских святых.

⁷ Так, по наблюдениям М. А. Шибаяева (ОР РНБ), Серапионом переписан также Торжественник триодный первой четверти XV в. (РНБ, ОЛДП, Ф. 215), в котором болгарские орфографические нормы проведены даже в цикле слов Кирилла Туровского (о рукописи см.: А. А. Турилов, *Восточнославянская книжная культура*, *ук. соч.*, с. 335, примеч. 37; М. Г. Гальченко, *Книжная культура*, *ук. соч.*, с. 293).

⁸ Ђ. Трифунковић, *Писац и преводилац инок Исая*, Крушевац, Багдала, с. 33-46; Г. М. Прохоров, *Памятники переводной и русской литературы XIV-XV вв.*, Л., Наука, 1987, с. 43-49; Он же, *Автограф старца Исая*, в: *Преводите през XIV столетие на Балканите*, София 2004, с. 309-314.

Г. М. Прохоровым¹ сюда относится также дефектный список афонского происхождения из собрания Народной б-ки в Праге, XVII Е 56.² Во вторую входят русские списки второй четверти - конца XV в.³ К третьей относится единственная рукопись первой четверти XVI в. с непоследовательно выдержанной среднеболгарской орфографией, написанная молдавским полууставом (Вена, Национальная библиотека Австрии, Слав. 14).⁴ Эта последняя является единственным надежным свидетельством существования болгарской традиции списков памятника в более раннее время. Переписавший кодекс монах Виссарион Хиландарский (атрибуция Б. С. Ангелова) владел и тырновской и ресавской орфографией,⁵ однако заметные погрешности в использованной им здесь первой свидетельствуют по всей видимости о копировании среднеболгарского оригинала.⁶

В русскую рукописную традицию перевод старца Исаяи – судя по разнице в расположении толкований в разных списках⁷ – на протяжении конца XIV-XV вв. приходил как минимум дважды.

Существование промежуточного болгарского списка по крайней мере для одной ветви восточнославянской традиции весьма вероятно, однако это промежуточное звено максимально персонифицировано и сводится к единственному списку-посреднику, изолированному в собственно болгарской традиции. Речь идет о протографе так называемого ‘Киприановского’ списка (РГБ, собр. МДА фонд., № 144). Известно, что сохранившаяся рукопись не является автографом митрополита Киприана и отстоит от времени его кончины (1406 г.) не менее, чем на треть века.⁸ Однако существование устойчивого предания, связывающего кодекс с именем Киприана, делает весьма вероятной версию о том, что он восходит к рукописи, принадлежавшей митрополиту или переписанной им.⁹

Как же согласовать существование этого архетипного Киприановского списка с отсутствием болгарской традиции копирования перевода старца Исаяи вплоть до начала XVI в.? Ответ на этот вопрос кроется, возможно, в константинопольском эпизоде биографий переводчика и будущего

¹ Г. М. Прохоров, *Памятники*, ук. соч., с. 43-44.

² J. VAŠICA, *Z církevněslovenských rukopisů Národní knihovny v Praze a Slovanské knihovny*, Praha, Národní knihovna, 1995, s. 16-21 (№ 2), 125-128 (снимки почерка). В описании рукопись датирована началом XVI в., однако на основании водяных знаков (латинская строчная курсивная буква В – вероятно, возникшая при повреждении филигранны ‘три горы’ небольшого размера) и почерка ее создание можно отнести ко времени не позднее второй четверти – середины XV в.

³ Г. М. Прохоров, *Памятники*, ук. соч., с. 43-44.

⁴ См. о ней: А. И. Яцимирский, *Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек*, I. ПРАГА, 1921 (= Сборник ОРЯС, ХСVIII), с. 141-147, № 111; G. BIRKPELLNER, *Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich*, Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaft, 1975, S. 139-141, II/43; Б. С. Ангелов, *Из старата българска руска и сръбска литература*, 3, София, Издателство на БАН, 1978, с. 278-281.

⁵ Б. С. Ангелов, ук. соч., с. 265-281.

⁶ А. И. Яцимирский, ук. соч., с. 141-142.

⁷ Г. М. Прохоров, *Памятники*, ук. соч., с. 45, 48-56.

⁸ О. А. Князевская, Е. В. Чешко, *Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Тырновского*, в: *Тырновска книжовна школа*, т. 2, София, 1980 (*Ученици и последователи на Евтимий Тырновски*), с. 282-292.

⁹ Г. М. Прохоров, *Памятники*, ук. соч., с. 49-51.

митрополита. В 1375 г. оба они находились в столице Византийской империи: первый в составе сербского посольства, участвовавшего в переговорах о примирении церквей,¹ второй вернулся после церковно-дипломатической миссии в Великом княжестве Литовском и привез частицы мощей новоявленных виленских мучеников.² В столице империи Киприан мог получить от Исаяй экземпляр его перевода,³ еще являвшегося новинкой, или (что более вероятно) скопировать его для себя. В декабре того же года он был поставлен митрополитом на литовскую и польскую часть киевского диоцеза⁴ и увез рукопись с собой. Так мог возникнуть один из источников русской традиции памятника, среднеболгарский по орфографии,⁵ но не связанный с болгарскими книгописными центрами.

Нестандартная ситуация наблюдается в отношении Стишного Пролога, неоднократно приносимого на Русь со славянского Юга в конце XIV – первой половине XV вв. Очевидно, на его примере мы можем проследить довольно редкий (если не уникальный) случай, когда болгарские тексты в период классического ‘второго южнославянского влияния’ приходили на Русь через сербское посредство.

По поводу происхождения перевода этой редакции Пролога в сербской и болгарской исследовательской литературе высказывались различные суждения. Д. Богданович в статье на эту тему относил перевод к числу сербских первой половины XIV в. (или даже несколько более раннего времени),⁶ Г. Петков в вышедшей позднее специальной монографии, посвященной данному вопросу, выделяет два перевода – болгарский и сербский – первый из которых получил широкое распространение во всех

¹ Д. Богдановић, *Измирење српске и византијске цркве*, в: *О кнезу Лазару*, Београд 1975, с. 81-91; Ђ. Трифуновић, *Лисац и преводилац*, ук. соч., с. 11-13.

² См., например: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2/1. Л., Наука, 1988, с. 405.

³ В какой-то мере применительно к данному случаю можно говорить о культурном взаимообмене. Возможно, именно Исаяй получил от Киприана славянский текст жития виленских мучеников, известный в нескольких сербских списках в составе Стишного пролога (см.: М. Н. СПЕРАНСКИЙ, *Сербское житие литовских мучеников*, в: *Чтения в Обществе истории и древностей российских*, 1909, 1, с. 1-48; D. BARONAS, *Trys vilniaus kankiniai: gyvenimas ir istorija (Istorinė studija ir šaltiniai)*, Vilnius, Aidai, 2000, pp. 149-154; Д. БАРОНАС, *По поводу литературной истории Мучения трех виленских мучеников*, в: *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne*. 3, Kraków 2001, с. 73-75).

⁴ П. Соколов, *Русский архиепией из Византии и право его назначения до начала XV в.*, Киев 1913, с. 451.

⁵ Известно, что ‘Киприановский’ список сочинений Дионисия Ареопагита МДА, фонд. 144 отличается смешанным правописанием, в котором присутствуют и сербизмы и болгаризмы и русизмы (О. А. Князевская, Е. В. Чешко, ук. соч., с. 286-288). Данное обстоятельство может объясняться рядом причин и нуждается в дополнительном исследовании. Так, если принять во внимание наблюдение Г. М. Прохорова, что при создании списка были использованы как минимум три кодекса с разным расположением толкований (Г. М. Прохоров, *Памятники*, ук. соч., с. 49-51), то часть сербизмов может быть отнесена на счет дополнительно привлекавшихся (при этом не обязательно Киприаном) рукописей. В то же время и болгаризмы существующего кодекса не обязательно должны восходить к первоначальному митрополичьему списку, они могли возникнуть и под пером русского копииста второй четверти XV в.

⁶ Д. Богдановић, *Две редакције стиховног пролога у рукописној збирци манастира Дечана*, «Упоредна истраживања», 1976, 1, сс. 37-72.

православных славянских традициях.¹ По всей видимости следует признать правоту Г. Петкова, привлекшего к исследованию значительный (хотя и не исчерпывающий) круг источников, принадлежащих к разным языковым изводам. Согласно его наблюдениям, на Руси получила известность и распространение тырновская редакция перевода.² Применительно к теме статьи нас интересует прежде всего набор и состав оригинальных болгарских и сербских статей памятника. Он колеблется в разных ветвях восточнославянской традиции, однако нигде не ограничивается только болгарскими или только сербскими. Наиболее полно он представлен в старшей группе списков, включающей комплекты, переписанные в 1429 г. и около этой даты для Троице-Сергиева монастыря (РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 715, 717, 720), и в 1478-1479 гг. по заказу удельного вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого для расположенного в его владениях Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере (Петербург, РГИА, ф. 834, оп. 2, № 1261, 1267, 1268, 1278). В них содержатся жития и болгарских (Параскева-Петка Тырновская, Иоанн Рьльский, перенесение мощей Илариона, еп. Мегленского, Михаила Воина из Потуки) и сербских (Симеона и Саввы) святых.

Меньшее число болгарских статей включают новгородские списки XV-XVI вв. (старший известный написан в 1479 г. в пригородном Спасо-Хутынском монастыре – РГИА, ф. 838, оп. 3, № 3933-3936). В них отсутствуют жития Параскевы-Петки и повесть о Михаиле Воине из Потуки, но имеется проложный стих Арсению Сербскому.³

Промежуточный вариант между ними (есть стих Арсению, нет повести о Михаиле, житие Параскевы дано не под 14, а под 13 октября) представляют западнорусские списки этого календарного сборника, известные с последней трети XV в.⁴

Уместно поставить вопрос, где могло возникнуть подобное сочетание болгарских и сербских житий. Пытаясь дать на него ответ, в своих ранних работах я высказывал предположение о связях редакции, представленной троицким и спасо-каменским комплектами, с Тырновом.⁵ Большое значение для меня в тот момент имело мнение А. И. Соболевского о преобладании в XIV-XV вв. русско-болгарских связей и гипотеза С. П. Розанова о создании проложного жития Саввы Сербского в столице Второго Болгарского царства,⁶ а также невозможность в ту пору работать с южнославянскими списками Стишного пролога, находящимися в зарубежных собраниях. Однако уже

¹ Г. Петков, *ук. соч.*, с. 17-25.

² См. также: А. А. Турилов, *К истории Стишного Пролога на Руси*, «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», 2006, 1, с. 70-75.

³ Подробнее см. об этом: Он же, *Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV-XVI вв.*, в: *Теория и практика источниковедения и историографии отечественной истории*, М. 1978, с. 40-44; Он же, *Болгарские и сербские источники*, *ук. соч.*, с. 8-11.

⁴ Об этой редакции см.: А. А. Турилов, *Южнославянские памятники*, *ук. соч.*, с. 254-257.

⁵ См. выше примеч. 3, с. 34.

⁶ С. П. Розанов, *Феодосиевская редакция жития Саввы Сербского*, в: *Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук*, 16/1, 1911, с. 1.

просмотр существующих к настоящему времени описаний ранних (XIV-XV вв.) южнославянских списков памятника показывает, что болгарские рукописи, содержащие жития сербских святых, отсутствуют в природе.¹ Напротив, сербские по орфографии списки (как рашские, так и ресавские) с болгарскими житиями (хотя бы и с неполным их комплектом) представляют довольно обычное явление.² Это обстоятельство заставляет думать, что в основе разных ветвей восточнославянской традиции Стишного пролога лежат какие-то сербские (вероятнее всего, ранние ресавские или предресавские – см. ниже) списки.³ Дополнительным немаловажным аргументом в пользу сербского происхождения архетипов всех этих восточнославянских редакций Стишного Пролога служит то обстоятельство, что в заключительной части жития Иоанна Рыльского (присутствующего во всех них) содержится молитва о заступничестве не только за болгар, но и за сербов.⁴ Существенно сложнее решить вопрос об относительно узкой локализации списков, легших в основу восточнославянской традиции сборника. Наиболее вероятно, как кажется, предполагать их афонское происхождение.

Приведенные примеры, хотя и немногочисленные, свидетельствуют, что непосредственные русско-сербские связи в период 'второго южнославянского влияния' все же существовали, хотя и уступали по интенсивности русско-болгарским. Причину этой разницы следует объяснять, очевидно, не отсутствием контактов русских иноков с сербскими, а иными обстоятельствами. Решающее значение имел, разумеется, сознательный выбор восточнославянскими книжниками текстов для переписки – во 'втором южнославянском влиянии' (как и во всех культурных 'влияниях' до эпохи массовых коммуникаций) в качестве активной стороны выступала воспринимаящая. Русских монахов-книжников, работавших в Константинополе и на Афоне, интересовали прежде всего переводы аскетических сочинений и богослужебных книг по Иерусалимскому уставу. Переводы библейских книг и толкований на них, независимо от происхождения, привлекали их куда меньше – так, на Руси не получила известности редакция ветхозаветных книг, связанная с Тырновом (так

¹ К сожалению, это наблюдение не может быть проконтролировано сведениями, касающимися славяно-молдавской (тырновской в своей основе) традиции XV-XVI вв., поскольку в ней отсутствует Стишной пролог как отдельная книга, а наличествуют только проложные жития в составе служебных Миней, представляющие особую редакцию перевода (сербских житий в их составе, впрочем, тоже нет).

² См., например, список последней четверти XIV в. из Прилепа, содержащий жития Параскевы-Петки и Иоанна Рыльского (В. Мошин, *Словенски ракописи во Македонија*, 1, Скопје 1971, с. 205-206) и второй четверти XV в. Австрийской Национальной библиотеки в Вене, Слав. 53, содержащий помимо этого повести о перенесении мощей Илариона Мегленского и о Михаиле Воине (G. BIRKFELLNER, *Glagolitische und kyrillische Handschriften*, ук. соч., S. 250-257, II/93).

³ Этому не противоречит, на мой взгляд, и орфография старшего полного русского списка Стишного Пролога - Троицкого (см.: М. Г. Гальченко, *Книжная культура*, ук. соч., с. 402, № 77, 80, 81).

⁴ См., например: РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 717, л. 397; РГИА, ф. 834, оп. 2, № 1261, п. 203.

называемая 'Евфимиевская Библия').¹ Весьма умеренным был и интерес к полемической литературе. В условиях моноконфессионального общества в будущей Великороссии, при ограниченных контактах с католиками и мусульманами и отсутствии еврейского населения переводы соответствующих полемических сочинений явно не были здесь востребованы, в отличие от Балкан. Актуальность антикатолических сочинений возрастает, пожалуй, только в 1410-х гг. в Литовской Руси в связи с планами унии,² но здесь, в отличие от северо-восточных княжеств практически отсутствовали новые общежительные монастыри, выступавшие основными проводниками 'второго южнославянского влияния'.

Нельзя упускать из виду и следующее обстоятельство. Списки переводов библейских книг, толкований на них, и полемических сочинений, о которых шла речь выше, немногочисленны (во всяком случае, ранние) и в самой южнославянской (сербской) традиции. Часть из них связана возникновением с придворными кружками сербской Деспотовины времени Стефана Лазаревича и (в меньшей степени) Гюрга Бранковича. Определенная элитарность этих переводов препятствовала их распространению даже среди южнославянских книжников и ограничивала возможности знакомства с ними русских.

Безусловно играли свою роль и богословско-орфографические установки эпохи.³ Вероятно, в среде славянского монашества (при этом не только болгарского) в Константинополе и на Афоне бытовало (в качестве устного предания) представление о особой исправности списков со среднеболгарской тырновской орфографией сравнительно с сербскими, хотя в окончательном виде оно нашло выражение лишь под пером Константина Костенецкого.

В связи с этим следует обратить внимание и на неоднозначность и даже недостаточность определения 'сербский' применительно к орфографическим нормам рукописей конца XIV и в особенности первой трети XV в. А. И. Соболевский явно понимал под этим (в какой-то мере вслед за составителями описей монастырских библиотек XV-XVI вв.) рукописи с рашской орфографией. Между тем, уже с последней четверти XIV столетия, и чем дальше, тем в большей степени, сербские книжники начинают использовать нормализованное и архаизированное ресавское правописание.⁴ Поскольку этот процесс хронологически совпадает со "вторым южнославянским влиянием", уместно задаться вопросом, не нашло ли отражения ресавское

¹ См.: А. А. Алексеев, *ук. соч.*, с. 133-139.

² По всей вероятности, этим временем следует датировать написание западнорусского пергаменного полемического сборника *Книга списана бысть на ересь латинскую* (РНБ, О.п.1.7). См.: А. Н. Попов, *Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI-XV вв.)*, М. 1875, с. 155, 176; Б. Н. Флоря, *Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье*, М., ЦНЦ-Православная энциклопедия, 2007, с. 331.

³ См. об этом: Н. GOLDBLATT, *Orthography and Orthodoxy. Constantine Kostenecki's Treatise on the Letters (Skazanie iz'javlenno o pismenex)*, Firenze 1987; П. Е. Лукин, *Письмена и православие. Историко-филологическое исследование "Сказания о письменах" Константина Философа Костенецкого*, М., Языки славянской культуры, 2001.

⁴ См., например: Д. Богдановић, *Студије из српске средњовековне књижевности*, Београд 1997, с. 157-158, 162-163.

правописание в восточнославянских рукописях конца XIV-XV вв.? Известно, что наиболее распространенным орфографическим признаком этого феномена в русских памятниках является написание сочетаний редуцированных с плавными в соответствии с южнославянскими нормами, замена 'ѣ' на 'ы', упорядочение написания 'и' и 'і' и употребление диграфа 'оу' либо лигатуры 'ук' независимо от позиции.¹ Эти признаки в равной мере свойственны как тырновской, так и ресавской орфографии. Разница между ними заключается в первую очередь в употреблении 'юсов' в первой и 'е иотированного' во второй. Отражение 'мены юсов' в русских рукописях не может служить однозначным и бесспорным указанием на болгарское происхождение протографа, поскольку в ряде случаев оно может восходить к промежуточному сербскому (ресавскому). Поэтому орфографию русских рукописей, сложившуюся под воздействием 'второго южнославянского влияния' в принципе равно можно рассматривать не только как упрощение тырновской (исключение 'юса большого'), но и как усложнение ресавской (добавление 'юса малого'). Русские списки с сербских рукописей раннего XVI в. (см. выше) дают тому достаточно примеров. Тема, во всяком случае, вполне достойна внимания лингвистов.

¹ См., например: М. Г. Гальченко, *Книжная культура*, ук. соч., с. 383-420.

COMPOSTO, IMPRESSO E RILEGATO IN ITALIA DALLA
ACCADEMIA EDITORIALE[®], PISA · ROMA

Giugno 2008

(cz2/FG9)

